

Человеческие жертвоприношения у ацтеков

Отрывок из книги О. Ивик, «История человеческих жертвоприношений», М.: Ломоносовъ. – 2010 г. – 256 с.

Страницы 213 – 224.

Записанный в середине шестнадцатого века «Кодекс Чимальпопока» рассказывает о том, как непосредственно перед созданием солнца бог Тескатлипока создал «400 людей и пять женщин» — «люди», т. е. мужчины, должны были обеспечить солнце первоначальной пищей. Когда солнце взошло, на свет родились еще четыреста индейцев, но и их задачей было не дать жизнь новому человечеству, а умереть — «чтобы у солнца были сердца для еды». Поэтому для их убиения были созданы еще пятеро «воинственных». С тех пор и до прихода европейцев ацтекам было доподлинно известно, что если солнце не кормить сердцами и человеческой кровью, то оно перестанет вставать над миром, погибнув во время своего ночного подземного пути. Позднее им пришлось убедиться, что это не так, но до того, как испанцы положили конец кровавым культам (устроив при этом резню, вполне сопоставимую с ацтекской), никому не приходило в голову проверить, взойдет ли солнце без положенной ему пищи.

Остальные боги тоже питались кровью. Впрочем, некоторые из них удовлетворялись добровольными и умеренными жертвами. Так, Кетсалькоатль, входивший в триаду главных богов, владыка стихий и покровитель науки и культуры, принимал кровь, но не требовал смерти. Верующие и сами жрецы «гуманного» бога должны были протыкать себе уши или язык и протягивать через отверстия шнурок из волокон колючей агавы. Капающая при этом кровь удовлетворяла скромные потребности бога культуры. Епископ Диего де Ланда в своем «Сообщении о делах в Юкатане» так описал один из вариантов этого обряда (правда, не у ацтеков, а у юкатанских майя):

«В других случаях они делали бесчестное и печальное жертвоприношение. Те, кто его совершали собирались в храме, где, встав в ряд, делали себе несколько отверстий в мужских членах, поперек сбоку, и, сделав это, они продевали через них возможно большое количество шнурка, сколько могли, что делало их всех связанными и нанизанными; также они смазывали кровью всех этих членов статую демона. Тот, кто больше сделал, считался наиболее мужественным».

Правда, иногда случалось, что особо ревностные поклонники Кетсалькоатля приносили ему человеческие жертвы в буквальном смысле слова, но все же массовую резню у алтарей покровителя науки было устраивать не принято. В этом смысле Кетсалькоатль резко выделялся среди ацтекского пантеона. Впрочем, для тольтеков и ацтеков, да и для всех племен науа, он был в какой-то мере чужим. Ему древние жители Мексики поклонялись задолго до того, как первые науа появились на исторической арене. Недаром Кетсалькоатль постоянно выступал как антагонист кровожадного Тескатлипоки — двойника бога войны и солнца Уитсилопочтли.

Но Кетсалькоатль был редкостным исключением. Остальные боги требовали не только крови, но и жизни жертв, чаще всего им были нужны сердца. Тлалок, бог дождя и грома, считался божеством благодетельным, ему посвящали искусственно созданные водоемы. Он охотно принимал от своих почитателей семена съедобных растений. На главном празднике Тлалока жрецы ныряли в воду и ему на радость подражали звукам и движениям лягушек. Однако водными забавами бог не

ограничивался, ему было принято жертвовать детей и девушек: у них вырывали из груди сердца, а останки хоронили.

Не менее благодетельной богиней была и ведавшая деторождением Сиуакоатль, она же Тонатцин («наша мать»). Она была покровительницей повивальных бабок, ее изображали в виде молодой женщины с ребенком на руках. Но вместо головы у юной матери был череп, а в руках, помимо младенца, она держала копье-металку. Этой богине материнства было посвящено одно из самых жестоких жертвоприношений, состоявшихся на территории Мексики. Его совершил Мотекусома II, последний правитель империи.

Вообще Мотекусома считался у ацтеков правителем мудрым, достойным и украшенным добродетелью. Он много внимания уделял занятиям религией и астрологией, был известен своей скромностью. Он положил много сил на создание эффективного государственного аппарата. Так, вскоре после своей инаугурации (перед которой ему пришлось предпринять военный поход с целью захвата пленных для жертвоприношений) он приказал предать смерти всех государственных чиновников и служащих, включая даже курьеров. Новый правитель объяснил это тем, что в старом аппарате служили люди «низкого происхождения» и «необразованные», а Мотекусома желал видеть в управленческих структурах «людей благородных». Обновив государственный аппарат, Мотекусома проводил его проверки на исполнительность. Это единственное объяснение, которое индейцы смогли дать одному из приказов нового властителя: однажды он велел своему приближенному Тлилпотонки вернуться из воинского похода в столицу и обезглавить всех до единого воспитателей царских детей, а также всех компаньонов и служанок царских жен и наложниц и ряд других дворцовых женщин. Вслед за Тлилпотонки Мотекусома отправил соглядатаев, которые должны были удостовериться в исполнительности царедворца.

Таким образом, Мотекусома поддерживал неукоснительный порядок в государственном аппарате и слыл среди ацтеков образцовым государем. Но однажды он перегнул палку, устроив неслыханное по своей жестокости жертвоприношение уже упоминавшейся богине-матери Тонатцин. Вообще говоря, ацтеки вовсе не стремились причинять своим жертвам лишние мучения. Боги питались кровью и сердцами, и они их получали. Но сами ацтеки к обреченным в жертву рабам и пленникам относились, как правило, мягко (в отличие, например, от североамериканских индейцев, о которых мы поговорим позже). Попытки не входили в традиционный жертвенный арсенал ацтеков. И потому вся Мексика всколыхнулась от возмущения, когда Мотекусома, устраивая жертвоприношение в честь Тонатцин, разделил пленников (жителей городов Тлашкала и Уэшотцинко) на три группы. Первую группу принесли в жертву обычным способом: рассекли грудь и вырвали сердце. Для второй группы у храма богини был построен специальный эшафот со столбами — здесь привязанных пленников убивали стрелами. Наконец, тех, кто попал в третью группу, сперва поджаривали на жаровне и уже затем вырывали у них сердца.

Мотекусома, по свидетельству ацтеков, остался доволен ритуалом. Однако соотечественники жертв были возмущены, ибо сами они умерщвляли пленных ацтеков на своих алтарях гораздо гуманнее. В отместку тлашкальцы и уэшотцинки послали в столицу Мотекусомы поджигателей, которые спалили храм злосчастной Тонатцин.

Сначала Мотекусوما приказал казнить жрецов богини-матери за то, что они не проявили должной бдительности. Но потом, узнав о поджоге, вновь пошел войной на уже побежденные им города.

Человеческие жертвоприношения совершались и на похоронах. Так, во время кремации предпоследнего (перед приходом испанцев) правителя ацтеков, Ауитсотля, принесли в жертву двести человек. Сердца их вырвали из груди и вместе с телами бросили в костер, на котором горело тело их владыки. Похороны правителей могли сопровождаться жертвоприношением не только рабов и пленников, но и жрецов, которые должны были удовлетворять религиозные и духовные потребности своих владык в мире мертвых.

В так называемом «Кодексе Мальябекиано» — книге шестнадцатого века, написанной предположительно испанским ученым Сервантесом де Саласаром и проиллюстрированной неизвестным индейским художником, представлен обряд похорон. На рисунке изображен погребальный костер, на котором предстоит гореть покойному и его сопровождающим. Сам покойный, запеленатый в погребальную одежду, перевязанную веревками, усажен на каменный постамент. Перед ним — фигура жертвы с вырванным сердцем. Автор Кодекса пишет:

«На этом рисунке показано, что, когда умирал знатный господин или вождь, его обряжали в саван, усаживали на корточки, как сидели индейцы, и его родные клали много дров. Его сжигали дотла, как это в древности заведено было у римлян. По своему язычеству они приносили в жертву одного или двух рабов, чтобы похоронить их вместе с ним. Также в некоторых местах, где в обычае это делать, вместе с ними хоронили их жен, говоря, что там они будут прислуживать мужьям. С ними же хоронили их сокровища, если те их имели. Но самых массовых человеческих жертв требовали не рядовые боги и не покойники, а главный бог ацтекского пантеона, Уитсилопочтли. Когда-то он был племенным богом ацтеков, но потом его культ слился с культом солнечного бога Тонатиу, и Уитсилопочтли сам стал олицетворением солнца. Ацтеки верили, что дневное светило уже четырежды погибало по завершении предыдущих четырех эр. Эта опасность грозила солнцу и в нынешней, пятой эре — ведь Уитсилопочтли приходилось еженощно сражаться с силами тьмы. Для того чтобы силы бога-воина не иссякали, его надо было ежедневно питать человеческими сердцами и кровью.

Кроме ежедневных жертвоприношений, для прокормления Уитсилопочтли регулярно проводились праздники, во время которых устраивалась массовая резня. Особо знатных пленников заранее готовили к ритуалу, облачали в парадные одежды и торжественно сопровождали на вершину пирамиды. Они становились в этот момент олицетворением самого божества, и жрецы обращались к ним с почтительными просьбами. Пленников попроще убивали без особых церемоний. Испанские историки писали со слов индейцев, что в 1487 году, во время освящения большой пирамиды, перед ней на протяжении двух миль были выстроены четыре ряда пленников. Жрецы «работали» в течение четырех суток и днем, и ночью. Демограф Шербёрн Френд Кук подсчитал, что, если на каждое жертвоприношение уходило по две минуты, то общее количество жертв могло превысить четырнадцать тысяч человек. Другие источники называют число, превышающее восемьдесят тысяч.

В какой-то мере это подтверждается свидетельствами соратников завоевателя Мексики Эрнана Кортеса. Так, Берналь Диас писал, что на площади города Ксокотлан «...на большом пространстве, в тщательном порядке, стояли пирамиды черепов, всего

не менее 100 000. Знаю хорошо, что обозначает такая цифра, но их действительно было столько! А по другую сторону огромными горами высились остальные части костяков. Все было окружено частоколом с черепами же на остриях». Другой сподвижник Кортеса — Андреас де Тапия — видел хранилища черепов в центре столицы ацтеков. Он сообщает, что там, на расстоянии одного ярда друг от друга, стояло множество шестов, на которых лежали поперечные палки, «а на поперечных палках снизу доверху были нанизаны проткнутые у висков черепа по пяти штук на каждой поперечине». Тапия, ссылаясь на подсчеты своего соратника Гонсало де Умбрия, утверждает, что черепов было 136 тысяч.

Некоторые современные исследователи сомневаются в достоверности этих цифр. Но, как бы то ни было, по количеству жертв ацтеки, безусловно, превзошли все прочие цивилизации в любой другой части света. Некоторые ученые даже высказывали мысль о том, что таким образом индейцы регулировали численность населения, пытаясь удержать ее в тех пределах, которые могла прокормить земля Мексики. Но в этих рассуждениях есть немалый изъян: для сдерживания демографического роста было бы резонно приносить в жертву женщин детородного возраста. Что же касается ацтеков, то они уничтожали прежде всего мужчин, численность которых в последнюю очередь влияет на демографию. У ацтеков существовало многоженство, да и незамужние женщины пользовались достаточной свободой и могли рожать от оставшихся в живых мужчин любое количество детей.

Известный этнограф, специалист по Месоамерике, Милослав Стингл, так описывает церемонию жертвоприношения: «Предназначенного для этой цели клали на круглый жертвенный камень, после чего главный церемониймейстер обсидиановым ножом рассекал живой жертве грудь, вырывал сердце и этим кровоточащим, еще пульсирующим сердцем окроплял алтарь».

На территории Мексики сохранилось множество таких камней для жертвоприношений — они назывались темала-катли. Темалакатли были разных размеров, но, как правило, все они украшались резьбой на религиозные или военные сюжеты. К ним прилагались каменные чаши для сбора крови. В национальном музее антропологии в Мехико хранится гигантский, весом 24 тонны и диаметром 3,6 метра, камень, покрытый сложной резьбой, имеющей отношение к астрономии; в центре его — изображение бога солнца. Возможно, этот камень должен был стать темалакатлем, но ему так и не пришлось вкусить человеческой крови — он треснул во время обработки. Здесь же хранится другой, «рабочий» темалакатль, воздвигнутый правителем ацтеков Тисоком. Это огромный каменный цилиндр, по периметру которого идет барельеф, воспевающий воинские подвиги Тисока. Сбоку видна бороздка для стока крови.

После того, как сердце жертвы вырывалось из тела и сжигалось на алтаре, а кровь собиралась в чашу, сами тела сбрасывали с вершины пирамиды вниз, после чего ацтеки поедали их. В Кодексе Мальябекиано есть рисунки, на которых ацтеки запечатлены за ритуальной трапезой, причем из горшков торчат человеческие головы и руки. Соответствующий текст гласит:

«Этот рисунок показывает богомерзкий обычай, который был в ходу у индейцев в день, когда они приносили в жертву своим идолам людей, перед демоном, которого зовут Миктлантекутли, что значит «Владыка Земли Мертвых», как говорится в других местах. Они ставили много глиняных кувшинов с человеческим мясом и раздавали его и делили между вождями и правителями и теми, которые служили в храме демона,

которых звали гламагатль (жрец. — О. И.). А эти делили то, что им дали, между своими друзьями и родными. Говорят, что на вкус мясо было как свинина, которую они узнали теперь. И потому они очень любят свинину».

Иногда наиболее выдающихся пленников ацтеки приносили в жертву особым способом, напоминаям гладиаторские игры. Испанский миссионер шестнадцатого века Бернардино де Саагун так описывает эту традицию: «...Они также умерщвляли некоторых пленников, устраивали для этого демонстрационные бои. Привязывали несчастного обреченного за талию длинной веревкой, пронизав ее через паз круглого, как мельничный жернов, камня. Это давало ему возможность более или менее свободно передвигаться по ограниченному пространству. Потом ему вручали оружие. Против будущей жертвы выходило обычно четыре воина в полном воинском снаряжении, с мечами и щитами. Они обменивались с ним яростными ударами, покуда пленник не падал, бездыханный, к их ногам...».

Для того чтобы обеспечить Уитсилопочтли регулярными жертвами, ацтеки вели бесчисленные войны. А поскольку реальных врагов не хватало, то практиковались так называемые «цветочные войны» — в них армии союзных городов сражались между собой, не питая друг к другу никакой ненависти и не ставя никаких политических задач. Единственной целью этих ритуальных войн было обеспечить необходимое количество (иногда многие тысячи) пленных для заклания на алтарях. Кроме того, кровь, пролитая на поле брани, тоже считалась жертвоприношением. Для проведения «цветочных войн» выделялись специальные территории, туда сходились войска и проводили битвы по заранее оговоренным правилам. Свое романтическое название эти войны получили потому, что ацтеки сравнивали человеческое сердце с цветком. Ацтекский поэт писал:

Нашими дротиками, нашими щитами существует город. Там, где окрашиваются дротики, где окрашиваются щиты, находятся белые благоухающие цветы, цветы сердца: раскрывают свои пестики цветы Дарителя Жизни, аромат которых вдыхается в мире принцев, это Теночтитлан.

Захваченных пленников содержали и «расходовали» по мере надобности — так поступали и сами ацтеки, и родственные им племена. Берналь Диас писал, что в Тлашкале (городе-государстве, зависимом от ацтеков) неоднократно видел деревянные клетки, в которых содержалось множество индейцев — мужчин, женщин и детей, предназначенных для жертвоприношений.

Интересно, что пленники, предназначенные в жертву, вне зависимости от того, попали они в плен во время настоящей или «цветочной» войны, как правило, не пытались бежать. Выкупать их родные тоже обычно не пытались. Для знатного воина побег и выкуп были в равной мере позорны. Он должен был привести с войны пленных для принесения в жертву или попасть в плен и стать жертвой сам. Это было почетно, к тому же смерть на алтаре обеспечивала соединение с божеством в загробной жизни. Известны случаи, когда пленники, которых по какой-то причине отпускали на волю, отказывались от свободы и требовали, чтобы их принесли в жертву.

Однажды во время военного конфликта ацтеков с соседним Колуаканом ацтекский вождь Уитсилиуитль и его дочь попали в плен. Родственники пытались выкупить их, и колуаканцы были согласны. Однако пленники заявили, что не желают идти против воли Уитсилопочтли, и сами рассекли себе грудь в том месте, где находится сердце... Описана хронистами и другая подобная история — она произошла со знатным

юношей-ацтеком, попавшим в плен к индейцам племени чальки. Его хотели освободить, приняв во внимание знатность его рода, и даже сделать своим вождем, но юноша отказался от предложения. Во время религиозного ритуала он обманул бдительность чальков и сам бросился вниз с вершины пирамиды... Тлашкальский вождь по имени Тлауиколли был взят в плен ацтеками. Они предложили пленнику вступить в их армию и доверили ему командование одним из отрядов. Но когда Тлауиколли с победой вернулся из похода, он потребовал, чтобы его принесли в жертву богам.

Помимо «цветочных войн» у ацтеков существовал и еще один вид состязания, по результатам которого людей, вероятно, тоже приносили в жертву. Это — игра в мяч. Она была чрезвычайно популярна в Месоамерике; сохранились развалины множества стадионов, на которых команды ацтеков состязались, забрасывая мячи в каменные кольца. Этой же игрой увлекались и майя. Имеются сведения (впрочем, не вполне достоверные), что после завершения игры часть игроков могли принести в жертву. Правда, исследователи до сих пор не пришли к единому выводу, кого именно убивали: победителей, побежденных или только капитана одной из команд. Учитывая, что ацтеки считали смерть на жертвеннике почетной, принесение в жертву победителей не должно вызывать особого удивления.

Исключительно почетной считалась у ацтеков и должность жрецов, лично проводивших ежедневные кровавые боины в сотнях храмов страны. Верховный жрец выбирался за свои личные заслуги и пользовался огромным уважением. Бернардино де Саагун писал:

«Во время выборов не обращали внимания на знатность, но только на привычки и дела, доктрины и хорошую жизнь. Если все это имели перечисленные жрецы, если жили целомудренно и если соблюдали все обычаи, которые были

у министров идолов, из них выбирался тот, кто был особенно смиренным и миролюбивым, и уважаемым, и благоразумным, и не легкомысленным, но серьезным и строгим, и усердным в обычаях, и спокойным и милосердным, и сострадательным, и другом всех, и набожным, и богобоязненным... Из этих жрецов лучших выбирали верховными жрецами, которых называли... последователями Кетсалькоатля...»

В феврале 1519 года к берегам Мексики причалила эскадра Эрнана Кортеса, состоявшая из одиннадцати кораблей. В распоряжении Кортеса находилось около шестисот пехотинцев, небольшой отряд кавалерии и полтора десятка пушек. У Кортеса, конечно, не было шансов с ходу завоевать могущественную империю, которая насчитывала сотни тысяч воинов. И тем не менее чудо свершилось. Испанцы утверждали, что Мотекусома принял их за посланцев бога Кетсалькоатля, а Кортеса, быть может, и за самого бога. Этот бог носил бороду и, как мы уже упоминали, уплыл на восток, но обещал вернуться в год «1 тростник» (по европейскому счету 1519 год н. э.). Поскольку люди Кортеса приплыли с востока в тот самый год, в который обещал вернуться Кетсалькоатль, носили бороды, а шлемы испанцев оказались похожи на головные уборы богов, Мотекусома II оказал Кортесу если не божественные, то по крайней мере царские почести. В качестве посланников богов Кортес и его спутники должны были посетить храмы столицы. Берналь Диас писал о том, как они поднялись на вершину главного храма и осмотрели Теночтитлан с высоты птичьего полета.

Мотекусома «...предложил войти в одну башенку из двух, по верху крыши которой были очень богатые зубцы, а внутри ее, в помещении в виде зала, находились два

подобия алтаря, и при каждом алтаре было по гигантскому идолу, с очень высокими туловищами и весьма массивных. Первый, находившийся по правую руку, сказали они, был идол Уицилопочтли, их бог войны, его лицо и нос были весьма широкие, а глаза безобразные и свирепые; все его туловище было покрыто столь многими драгоценными камнями, золотом и жемчугом, прикрепленными мастикой, которую изготавливали в этой земле из каких-то корней, и голова была покрыта этим же, а туловище его было опоясано несколькими по виду большими ужами, сделанными из золота и драгоценных камешков, и в одной его руке находился лук, а в другой — несколько стрел.

Там вместе с ним был другой небольшой идол, сказали, что это его паж, он держал недлинное копье и щит весьма богатый, из золота и камней; и висело на шее Уицилопочтли несколько лиц индейцев и иное, вроде сердец тех же индейцев, из золота и серебра, вместе с множеством синих камешков; и там было несколько жаровен ладана, которым был их копал (благовонная смола. — О. //.), с тремя сердцами индейцев, принесенных в жертву в тот день, их сжигали, и дым от того и от копала был тем жертвоприношением, совершенным ему.

И были все стены и пол в этом святилище так залиты и черны от запекшейся крови, что все так сильно и скверно воняло. Затем, в другой стороне, по левую руку, рассмотрели находившегося там же другого гигантского идола высотой с Уицилопочтли, а носом, как у медведя, а глаза его ярко сверкали, сделанные из их зеркал (из обсидиана)... И этот Тескатлипока был богом их преисподни и владел душами мешиков (т. е. мексиканцев.), и было опутано его туловище изображениями дьявольских карликов с хвостами в виде змей. И было на стенах столь много запекшейся крови, и весь пол был ею залит, и даже на бойнях Кастилии не было такого зловония. И там были преподнесенные этому идолу пять сердец, принесенных в тот день в жертву.

И на вершине этого храма была другая башенка с помещением, весьма богато отделанная деревом, и был там иной идол — получеловек-полуящерица, весь покрытый драгоценными камнями, а посередине, вдоль туловища, накладка. Они говорили, что тело его наполнено всеми семенами, что имелись во всей этой земле, и сказали, что это бог производства семян и плодов; но я не помню имени его. И все было залито кровью, как стены, так и алтарь, и было такое зловоние, что мы, не выдержав больше, выскочили наружу. И там находился огромный, колоссальный барабан; у когда по нему били, звук от него был такой унылый и слышен оттуда на две легуа (более одиннадцати километров. — О. И.) и, как они говорили, был похож на звучание инструмента из их преисподни; они сообщили, что кожа на этом барабане с исполинских змей. Тут же находилось и множество других дьявольских вещей — большие и малые трубы, всякие жертвенные ножи из камня, множество обгорелых, сморщенных сердец индейцев. И всюду — кровь и кровь!

Не мог поэтому наш Кортес удержаться, чтобы не сказать Мотекусоме через наших переводчиков: «Сеньор Мотекусоме, не понимаю, как вы, столь славный и мудрый великий сеньор, не убедились до сих пор, что все эти ваши идолы — злые духи, именуемые детьми дьявола. Чтобы убедить вас и ваших жрецов в этом, разрешите на вершине этой башенки водрузить крест, а в ее помещении, где находятся ваши Уицилопочтли и Тескатлипока, поместить изображение Нашей Сеньоры Девы Марии; тогда вы сами увидите, какой страх обуяет ваших идолов». Но Мотекусоме ответил очень немилостиво, тем более что подле находились двое жрецов, явно

разгневанных: «Сеньор Малинче! Если бы я знал, что ты здесь будешь поносить моих богов, я никогда бы не показал их тебе. Для нас они — добрые боги; от них идет жизнь и смерть, удача и урожай, а посему мы им поклоняемся, приносим жертвы. Тебя же очень прошу оставить впредь всякое дерзновенное слово».

Диас описывает и то, как поступали ацтеки с телами своих жертв.

«...Когда тех несчастных индейцев приносили в жертву, им рассекали кремневыми ножами грудь, рылись там, вырывали сердце, его и кровь преподносили своим идолам те, от чьего имени была эта жертва; после того, как отрезали ноги, руки и голову, съедали ноги и руки на празднествах и на пиршествах, а голову подвешивали, нанизав на шест между столбами, туловище принесенного в жертву не ели, а бросали... диким зверям».

При одном из храмов Диас видел подобие небольшого зоопарка — здесь содержали хищников, которым скармливали трупы. В другом храме он посетил «кухню», где готовили человеческое мясо:

«Следует сказать лишь о небольшом здании в виде башни. Вход в него охранялся двумя разинутыми змеиными каменными пастьями с огромными клыками, и воистину это был вход в адскую пасть, ибо внутри было множество идолов, а в соседнем помещении много посуды для варки мяса несчастных индейцев, принесенных в жертву, всякие ножи и топоры, точно у мясников; и все там, как и в других храмах, было сильно залито кровью и черно от копоти и запекшейся крови...»

Испанцы пришли в ужас от того, что им довелось увидеть. Они потребовали от ацтеков прекратить человеческие жертвоприношения. И когда в отсутствие Кортеса представители самых знатных родов Теночтитлана обратились к его заместителю, Педро де Альварадо, с просьбой разрешить проведение ежегодного праздника в честь бога войны Уитсилопочтли, испанец поставил условием, что человеческих жертвоприношений на этом празднике не будет. Ацтеки согласились. Согласились они и на другое условие испанцев: прибыть на праздник безоружными. Они не знали, что испанцы готовили в их городе кровопролитие, перед которым меркли ужасы их собственных культов. Так, по иронии судьбы, самый миролюбивый из ацтекских богов Кетсалькоатль стал невольным виновником едва ли ни самой массовой резни, которая когда-либо свершалась в Месоамерике.

«Когда пришел упомянутый праздник, — писал позднее францисканский монах Диего Дуран, — индейцы, не подозревая ничего плохого, явились ублажить своего бога и показать величие Мехико... Там собралось для хороводов и танцев восемь или десять тысяч знатных мужей, все люди известные и благородной крови... Тогда Педро де Альварадо приказал поставить к четырем входам во двор храма сорок солдат, по десять к каждому входу, чтобы через двери никто не мог выйти, и приказал десяти другим подойти к тем индейцам, которые играли на барабане, туда, где, как ему казалось, находились наиболее знатные лица, и убить игравших на барабане, а потом и всех остальных. И эти «апостолы святой веры» или, лучше сказать, «последователи дьявола», не медля ни минуты, исполнили приказ.

Они вошли в толпу этих несчастных, почти обнаженных, только в плащах из хлопчатобумажной ткани, не имевших в руках ничего, кроме роз и перьев, с которыми они танцевали, и перерезали всех ножами».

Об этом же с возмущением писал Саагун: «Они отрубали руки и головы, пронзали шпагами и копьями всех, кто попадался им на пути. Они учинили невиданную резню. Те, кто кинулся к дверям, чтобы убежать, были убиты... Некоторые взбирались на

стены, другие забивались в башенки храма, чтобы лечь там на полу и притвориться мертвыми. И кровь лилась по двору, как вода во время сильного дождя. Весь двор был усеян головами, руками, кишками и трупами убитых людей. По всем углам рыскали испанцы, выискивая уцелевших, чтобы прикончить и их...»